Рассказ скачан на сайте http://eromo.org
Название: Игра

1.

Когда я работал в фирме, заместителем директора у нас была Дженни. Симпатичная женщина, лет тридцати, она не занималась ничем, кроме переговоров, но ничего другого от нее не требовали. Я сам видел, как уверенные, знающие себе цену бизнесмены, ухмыляясь, заходили в ее кабинет и уже через полчаса появлялись оттуда с растерянными улыбками — они подписывали все, чего хотела от них Дженни. Смущенно говорили друг другу...

— Баба зверь, у меня на нее все стоит!

Один не дошел до двери, упал на диван в приемной, и, переводя дух, обернулся ко мне...

— Слушай, она же хочет! — почти простонал он... — Я же вижу, до чего она хочет, едва терпит. Так не изобразишь, она по настоящему... Ну и я по настоящему... Ей просто ни в чем не откажешь...

Дженни наверняка подслушивала за дверью, потому что сразу, улыбаясь, появилась в дверях и здоровенный амбал тут же поднялся и пошел к ней маленькими шагами...

— Я действительно, — она, улыбаясь, переступила с ноги на ногу и он, едва не в голос застонав, остановился перед ней... — я действительно очень хочу... — она сделала паузу и перевела глаза вниз, туда, где хорошо понятная сила оттопыривала ему брюки. Амбала начала бить дрожь, а Дженни продолжала мяукающим голоском... — Очень хочу, чтобы все переговоры проходили так же удачно... Очень, очень хочу.

Он свел колени еще тесней, чем она, и хрипло зарычал сквозь зубы. На застежке его дорогущих брюк расплылось влажное. Она смотрела и улыбалась.

— Все? — ласково спросила Дженни через минуту. Он кивнул, и вышел, закусив губы и хрипло дыша, словно всхлипывая. Она подмигнула мне и скрылась в кабинете.

Вот так она работала, наша Дженни. Все знали, но никто не понимал, каким чудом она вышколила свое тело так, что одного его вида, одного шага ее ножек достаточно, чтобы делать с мужчиной все, что мыслимо для женщины. Боже мой, как я ненавидел ее, как мечтал отомстить сполна за каждого из униженных ею парней! И вот случайно, я раскрыл ее секрет.

2.

Дженни никогда ни в чем не знала отказа, самый занятый человек в фирме рад был ей услужить, поэтому я очень удивился, когда в тот день, выйдя из кабинета, она не прошла мимо, как обычно, а обратилась ко мне с просьбой. Присев на краешек стула для посетителей, она дружелюбно улыбнулась мне...

— У меня проблема. Не поможешь? Дочку из школы забрать.

Я знал, что повелительница мужских сердец если и любит кого по настоящему, то это свою дочку. Девочке было не то одиннадцать, не то тринадцать, училась она в хорошей школе, откуда до дома надо ехать на машине. Но у меня уже были собственные планы на вечер, что Дженни, видимо, поняла по моему лицу. И тут я почувствовал на себе все, на что она была способна.

В ее глазах, обращенных ко мне, мелькнуло какое-то сладкое отчаянье, как будто от меня одного зависит, получит ли она то, чего ей очень-очень хочется. Потом она на секунду, как бы борясь с собой, прикрыла глаза и облизнула губы, снова посмотрела кротко и умоляюще...

— У меня сегодня еще две встречи! — прошептала Дженни... — Мне так трудно сегодня. Если

бы ты мне помог... — последние слова она произнесла через силу, как будто сдерживая себя.
Я знал, мне ли было не знать, что все это одна игра и притворство, но поделать с собой ничего не мог. Передо мной, вся сжавшись, сидела женщина, которой очень хотелось, и кротко просила меня об одолжении. Мой мозг понимал, но мое тело отказывалось верить в ее притворство, я страшно захотел сделать для этой женщины что-то хорошее. Пусть даже не то, чего мне хотелось больше всего.
— Конечно, конечно, — пробормотал я... — я съезжу и отвезу домой.
— До ворот дома, — поспешно уточнила Дженни... — в гости зайдешь как нибудь в другой раз, — она улыбнулась уже скорее насмешливо, чем приветливо, поняла, что я в ее распоряжении. И как будто не было на ее лице того ожидания, что минуту назад. Она легко поднялась и быстро пошла по коридору. Я дождался, пока она скроется в курилке, и выбрался из-за стола. Не хотел, чтобы она заметила, как трудно мне идти.
3.
Всю дорогу до школы у меня стоял стоймя. Только въезжая в ворота, откуда выходили аккуратные невинные школьницы, я заставил себя думать о чем-то кроме Дженни, посидел в машине, дожидаясь, пока спадет возбуждение и тут только понял, что забыл зайти в туалет. Дженни застала меня как раз, когда я почувствовал, что пора поссать, но после беседы с ней я и думать про то забыл. Теперь я почувствовал естественную обиду и стыд. Что же мне теперь, у школьницы спрашивать, где у них тут мужской туалет? Или до дома везти эту девчонку, мучаясь и ерзая на кресле? Ну не так уж мне невтерпеж было, но досадно.
Девочку в вестибюле школы я узнал сразу, она была очень похожа на Дженни, такая же тоненькая и глазастая. Она сразу бросилась ко мне, и защебетала...
— Мама позвонила учительнице, предупредила! Вы дяденька из фирмы, да? Меня зовут Кэти. А что у вас за машина?
Очень живая и наивная девчушка. Я поздоровался и сказал, что мы сейчас поедем. Ты все взяла, ничего не забыла? В туалет сходила?
Она сразу стрельнула на меня взглядом по-маминому проницательных глазенок...
— А почему вы спрашиваете?
— До дому полчаса ехать, — пояснил я, уже досадуя на себя за неуклюжую хитрость... — чтоб не мучатся. Ты не хочешь в туалет?
— А вы?
Ну и девчонка! Почувствовав, что краснею, я подхватил ее легонький рюкзачок и пошел к машине. Черт с ней, думал я, потерплю как-нибудь, она ничего не заметит. Если... под ложечкой унизительно зазудело, если она уже не заметила.
Если честно, то дорога была бы меньше получаса, но нам не повезло. Железнодорожный переезд впереди оказался закрыт, на шоссе образовалась пробка. Мне было уже довольно-таки трудно сидеть неподвижно, когда я заметил, что и с девчонкой что-то неладно. Она перестала глазеть в окна и болтать без умолку, подсунула под себя ладошки и застыла, склонившись вперед. Вытащила руки из-под себя и снова села на них. Я почувствовал что-то вроде злорадства и спросил...
— Ты чего ерзаешь?
Она посмотрела на меня с обидой и вызовом, я снова подумал, как похожи глаза у матери и дочки.
— Ну вы же видите... — тихо сказала она... — мне ужасно хочется пописать. Я уже до краев...

— Я же тебе в школе говорил! — мое удивление было вполне искренне. Теперь покраснела она...
— Я думала до дому потерпеть... Я в школе в туалет почти не хожу. Стесняюсь.
Мне стало неловко. Я уже не сердился на мою маленькую подругу по несчастью.
— Не знаю, чем тебе помочь, — с сожалением сказал я, оглядевшись, — выходить из машины сейчас лучше не надо.
— Что вы, спасибо, — она улыбнулась через силу... — на обочине на глазах у всех, я этого делать не буду. Вы не волнуйтесь, до дому я дотерплю и в машине у вас не описаюсь...
Да, девчонка с характером. К счастью тут шлагбаум поднялся, и мы проехали через переезд. Толчки колес о рельсы тупой болью отозвались в моем наполненном мочевом пузыре. Кэти тихонько застонала...
— Господи! — сунула ладошки между ног и сжала их коленками. Если честно, мне хотелось сделать то же самое, но я вел машину. Впрочем, от мысли, что рядом со мной так мучается пусть маленькая, но женщина, ну меня снова возникла эрекция и терпеть стало полегче. Настолько полегче, что когда девочка радостно воскликнула «А вот и дом!», я позволил колесу проехать по небольшой выбоине. Машину тряхнуло, и Кэти вдруг тоненько заскулила в голос...
— Уй-уй-уй-уй!
Я невольно скосил глаза, нет ли на сидении под ней небольшой лужицы, но девочка мужественно терпела,страдальчески закусив губку, и мне стало неловко... — Давай, терпи, Кэти... — велел я, — уже подъезжаем. Я тоже, например, писать очень хочу, но не ною же!
И сразу сквозь страдание в глазенках глядящих исподлобья проглянуло что-то вроде интереса...
— Честно? — сквозь сжатые зубки спросила Кэти, и тут же втянула в себя воздух... — Вс-с-с! Очень-очень?
Мы подъезжали по гравийной дорожке. Я чувствовал себя хозяином положения и ответил, сколько мог небрежно...
— Ну не так, чтобы очень. Но, если позволишь, я бы зашел в дом? После тебя в туалет зайду?
Потирая себе шов на джинсах между ног, Кэти ответила...
— Ага. Заходите. Я никогда не видела еще, чтобы дяденька тоже хотел...
4.
Пока я запирал машину, девочка, приплясывая от нетерпения, открыла входную дверь и вошла в переднюю. Поспешно зайдя следом, я с удивлением увидел, что она сидит в кресле возле самой двери туалета — дверь эта была тут же в передней — сидит, тесно сжав коленки, и смотрит на меня озорно.
— Ну что же ты? — раздраженно окликнул ее я.
— А давайте мы посидим? — она была точь-в-точь маленькая Дженни... — посидим и поиграем? Я еще никогда с дяденькой не играла.
— Поиграем? — удивился я... — Во что?
Вопрос, казалось, чуть-чуть смутил девочку...
— Ну, в это самое... — она покраснела, как настоящая женщина, когда приходится вслух сказать что-то, что кажется и так понятным... — Ну, кто первый не вытерпит.
Я все-таки не ждал ничего подобного и мой пузырь вздрогнул, как это всегда делает с перепугу переполненный мочевой пузырь мужчины. Если бы не мое возбуждение, которое я

чувствовал все сильнее в обществе этой странной, мучающей саму себя девчонки, мне пришлось бы теперь очень туго.

— Что это за игры такие? — только и смог я вымолвить.

— А мы с мамой всегда так играем, — беззаботно пояснила Кэти, так ерзая в мягком кресле, что жалко было смотреть... — Мама говорит, что девочкам в жизни много приходится терпеть и мне надо тренировать... — она снова запнулась и застенчиво покосилась на ладошки, стиснутые бедрами, на, по взрослому уже округлившийся, низ живота... — ну все что у меня там...

Что-то похожее на догадку забрезжило в моем, сбитом с толку сознании.

— И мама тоже терпит? — осторожно поинтересовался я.

— А то вы не знаете! — девочка смотрела хитро и одновременно наивно... — Мама же на работе со всеми дяденьками играет. Она говорит, что с дяденьками вот по-настоящему интересно. Ну и я попробовать хочу-у-у... — Кэти вдруг согнулась, достав лбом почти до коленок, и я тут же вспомнил, как таким вот искренним «Очень хочу-у-у» Дженни расправилась с тем бедолагой. Секрет Дженни казался простым и гениальным одновременно, ради удовольствия мучить любого мужчину, она мучала себя. Я осторожно присел на край мягкого кресла у самой двери...

— А как это «не вытерпит», — уточнил я... — пока кто-то не описается, что ли?

Кэти, судя по всему, нравились эти вопросы, заставлявшие ее все больше краснеть...

— Ну тоже бывает, конечно... — она видимо перетерпела острое желание и теперь сидела почти спокойно... — но обычно кто-то просто говорит «ой, не могу больше» и бежит в туалет. А второй стоит рядом и смотрит, а тому, кто проиграл стыдно-стыдно. А он потом выходит, и тот, кто выиграл, писает один, и ему не стыдно, а кайфно!

Последнее слово она сказала так, как могла бы произнести его искушенная в сексуальных наслаждениях женщина. Я понял, что, инстинктивно желая постичь смысл этого слова, вмещающего и позор и наслаждение, Кэти и делает сейчас то, чего наверняка не одобрила бы Дженни. Хотя, может быть...

— И кто обычно выигрывает? — спросил я. Обоссаться я не боялся, вставший колом член, оберегал мое мужское самолюбие. Разве что в процессе этой беседы я кончу себе в штаны.

— Ну мама конечно... — Кэти улыбнулась моему вопросу... — у нее знаете, как все там натренировано! Она и всех дяденек всегда обыгрывает.

Я подумал, что Дженни не могла и не хотела пока объяснять ребенку, что хоть это и правда, она всегда одерживала верх над мужчинами, но никогда борьба между мужчиной и женщиной не может идти на равных. И теперь, когда я знаю их секрет у моего набухшего от возбуждения члена большое преимущество перед ее бедным переполненным пузырем, который как силой воли не сдерживай — когда-нибудь должен расслабиться, если лопнуть не хочет.

— Только иногда, — продолжала доверчивая девочка, — когда у мамы много совещаний, и она выпивает несколько чашек кофе, тогда она приезжает домой и даже машину не запирает, сразу бежит в дом. Но если я скажу «давай поиграем», она всегда согласится, правда обычно сразу просит... «доченька, у мамы сегодня был такой тяжелый день. Пусти маму в туалет. Мама сдается!» И вот тогда мы идем в туалет, и я смотрю, как мама писает, и даже глаза закрывает, так ей хорошо. И знаешь, что тогда самое трудное?

Я посмотрел в ее лучистые от постоянной борьбы со своим телом глаза и покачал головой.

— Самое трудное, — весело сообщила она свой секрет… — утерпеть, когда кто-то другой рядом писает. На прошлой неделе так получилось, когда мама прибежала с работы…

Я помнил этот день, именно тогда я увидел страшное унижение того парня и окончательно возненавидел Дженни…

— Мама сразу побежала в туалет, и даже не утерпела немножко, у нее между ног джинсы были намокшие, но она их все-таки расстегнула и присела. А у нас в школе занятий много было, и я с утра целую банку сока выпила, грейпфрутового, писать хотела ужасно, умирала прямо, даже сильнее, чем сейчас. И вот когда зажурчало, я только услышала и сразу — уй-уй-уй! — не могу просто, не утерпеть — чувствую, что по ногам у меня уже течет! Я очень-очень прошу, «Мама, дай мне пожалуйста пописать!», а она бедная даже не может встать, ей меня жалко, но она тоже так долго терпела! Так вот мы и пописали обе, она как нужно, а я описалась, совсем как маленькая, сквозь трусики прямо, и по ногам, и в туфли, лужа целая на полу. Мы с мамой долго-долго друг на друга смотрели, и нам стыдно очень было, и тогда мама сказала, что это еще не самое стыдное, а вот ничего хуже нет, чем перед чужим дяденькой не утерпеть и обосс… — Кэти осеклась, быстро поглядела на меня и потупившись прошептала… — описаться… И поэтому, сказала мама, нам с ней надо еще больше тренироваться. И вот я тебя позвала.

— И ты думаешь выиграть? — спросил я.

— Ну я же тренировалась. А ты нет.

5.

Мне стало так неловко пользоваться наивностью девочки, что я хотел встать и попрощаться. Историю было пора закончить, узнав секрет Дженни, я уже не желал ей отомстить, у нее явно у самой проблемы с психикой, более того — теперь я был уверен, что при надобности всегда смогу противостоять ее садомазохистскому темпераменту. Но тут я услышал, как к дому подъезжает еще одна машина.

Сердце мое ушло в пятки, а вернее в мой раздутый и немилосердно молящий о пощаде мочевой пузырь. Дженни вернулась с работы и сейчас обнаружит меня, вопреки ее указаниям сидящим у нее дома и выпытывающим интимные секреты семьи у маленькой девочки. Мало того, что, зная темперамент Дженни, я мог ожидать в лучшем случае хорошего удара туфлей по яйцам, я теперь, пожалуй, и воспринял бы его, как заслуженное наказание. Уж что-что, а унижать Дженни умела, а теперь еще и правота была на ее стороне. Я без сил опустился в кресло, предчувствуя, что через минуту либо кончу и тогда уж точно сразу же обоссусь, либо получу удар между ног, в любом случае, мне придется со стоном сжимать руками свою промежность, а этого, согласитесь, не так уж хочется мужчине в присуствии двух симпатичных женщин.

Однако стон я услышал из-за двери. Дженни лихорадочно, не попадая ключом, старалась открыть входную дверь. Наконец ей это удалось. И взъерошенная, раскрасневшаяся наша заместитель директора ворвалась в свою собственную прихожую. Она сразу, не замечая пробежала мимо кресла, где сидел я, а на полдороге к заветной двери, куда и я и Кэти не прочь были бы войти, Дженни, хотя ее ничто не удерживало, вдруг замерла судорожно спиной ко мне сдвинув ноги и вся выпрямившись.

Кэти вскочила с кресла радостная, хотя одной ладошкой ей приходилось зажимать низ живота…

— Мы играем, мама!

— Нет, нет! — сдавленным голосом простонала Дженни… — дочка, дорогая, у мамы сейчас проблемы, маме так трудно… — она вдруг завопила… — В-в-в! — и согнулась, как сгибается мужчина, получивший удар в пах… — мама очень-очень хочет в туалет… — видимо ей удалось, сжав себя обеими руками хоть немного восстановить контроль над мочевым пузырем и уже чуть спокойнее, она произнесла… — Четыре больших чашки черного кофе… Я обыграла их всех, — заметив растерянность в глазах дочки, она ласково попросила… — ну хорошо, сыграем, но ты же, доченька, разрешишь маме сразу сдаться и пройти в туалет? Я едва терплю! У-у-у!

Одновременно с этим всхлипом, я услышал потрескивание — Дженни, согнув ноги в коленках, из последних сил старалась расстегнуть молнию на брюках. Наверное, это было мучительно, потому что пальцы ее, соскальзывая невольно упирались в самый пузырь, раздутый до предела. Но тут Кэти растерянно произнесла…

— Но мама. Если ты сдашься, и будешь писать, я, наверное, опять не вытерплю. И тогда дяденька увидит, как я описалась… — она сказала это почти с детским ужасом перед чем-то нестерпимо стыдным.

Грациозно, хотя и в ужасном напряжении согнутая фигура Дженни опять застыла. Только дрожь сведенных мускулов пробегала по ее согнутым и намертво сжатым коленям, оттопыренной попке, сведенным плечам. Рядом, так же согнувшись, переводила взгляд с матери на меня Кэти.

— Что еще за дяденька? — необычным, низким голосом спросила Дженни.

— Тот, что забрал меня из школы, — едва проговорила сквозь сжатые зубки Кэти, показав на меня глазами… — он сидит в кресле за твоей спиной.

Было больно смотреть, как невероятным усилием, Дженни заставляет себя обернуться и встретиться со мной глазами. Я не нашел ничего лучше, как приветливо и сочувственно улыбнуться начальнице. Молния на джинсах Дженни была наполовину расстегнута, пуговицу от брюк она оторвала и сжимала в кулаке, которым давила себе прямо на промежность. Высокая тугая ее грудь почти выбилась из-под сбившейся блузки, все знали, что лифчика Дженни не носит, незачем ей.

— Доб-рый ве-чер… — через силу выдохнула сдавленным голосом Дженни и, видимо это последнее усилие оказалось для нее нестерпимым. Она всхлипнула и тоненько-тоненько заплакала-завыла, сгибаясь все больше. Я невольно поглядел на низ ее живота, вокруг ее ладоней начала просачиваться и смачивать сразу потемневшую ткань джинсов на бедрах до самых колен влага. Женщина все еще пыталась терпеть, не давая своим шлюзам открыться полностью, но сквозь них вырывалась горячая, тонкая, как лезвие ножа, струйка, и остановить ее было уже невозможно.

— Я же так бежала!… — сипло и жалобно шептала моя начальница, глядя на меня в упор исподлобья… — Я так терпела… Я же почти успела!..

— Мама! — в настоящей панике закричала Кэти… — Я сейчас уже тоже не смогу!

И словно этих слов не хватало. Дженни хрипло зарычав от позора и наслаждения расслабила колени, прижав мокрые ладони к почти обнажившейся груди, переступила ослабевшими ногами, широко расставляя их и в тишине передней отчетливо раздалось журчание льющейся на пол струи — Дженни сдалась. И тут же Кэти, слабо взвизгув попыталась расстегнуть свои подростковые джинсики и даже пробежала два шага по направлению к заветной двери, но остановилась, задрала голову и, прикрыв глаза, осталась стоять, стараясь не смотреть, как

течет по ногам ей в кроссовки и растекается по линолеуму кругом горячая лужица. А Дженни все глядела прямо мне в глаза, и негромко постанывала...
— У-уй, не смогла... Господи, как хорошо! О-о-ой-й, как же мне стыдно! Я обоссалась! Не утерпела...
— Мама... — плакала Кэти рядом... — мамочка! Мы с тобой так... Мы так... Как маленькие девочки... Мы ему проиграли, сразу обе... Ой!..
— Доченька... — прошептала Джении, когда я поднялся с кресла и попытался пройти мимо двух несчастных, описавшихся женщин... — Что же ты наделала... Как же ты, доченька, маму свою подвела...
6.
— Мама! Он ведь тоже хочет... Почему же он утерпел? — огромная обида звенела в голосе обманутой и опозоренной девочки. Дженни, по-прежнему зажимаясь обеими ладонями, сделала шаг мне наперерез...
— Он сейчас еще не так захочет, — все тем же низким, хриплым голосом многозначительно пообещала она, ступая по огромной луже на полу, и не обращая внимание на продолжающееся журчание, обратилась ко мне с какой-то отчаянной веселостью...
— Ты же позволишь девчонкам отыграться?
— Как это? — с некоторым трудом проговорил я. Мне во-первых было их обеих очень жаль, во-вторых я был буквально на пределе во всех отношениях.
— Пообещай, — щеки у Дженни были малиновые и она едва переводила дыхание, пытаясь говорить спокойно... — пообещай минуту, всего минуту постоять неподвижно. Вытерпишь, можешь меня поиметь, прямо здесь, или в удобное для тебя время потом. Дай девочкам один шанс, я прошу...
Она просила по настоящему, а не так, как раньше. Но конечно, не великодушие заставило меня кивнуть. Я очень хотел трахнуть Дженни, с первой минуты, как только увидел. Я невольно кивнул и тут же с ужасом увидел, как яростно блеснули глаза женщины.
— Кэти, — крикнула она... — заметь время! Сейчас увидишь, как мама отомстит за нас обеих!
Кэти, вытащила одну руку, до того зажатую меж коленок, отогнула намокший обшлаг блузки (вот, подумал я, как брызнуло у бедной девчушки, и рукаву досталось), и уставилась на секундную стрелку детских часиков. А Дженни шагнула ко мне, по моему, у нее еще немножко, напоследок продолжало течь сквозь полурасстегутые брюки, но это уже не волновало ни ее, ни меня, потому что следующим движением, она уверенной рукой взяла меня прямо за все мое мужское. Я так и взвыл.
— Больно я тебе не сделаю, — ласково и зловеще пообещала Дженни... — смотри, дочка, сейчас дяденьке станет еще лучше, чем было нам.
— Ой сучка! О-о! — сквозь зубы промычал я, чувствуя, как ловкие ее пальчики, что называется, катают мне шары, и одновременно нестерпимо натягивают кожу на члене, который и без того был готов брызнуть каждую секунду. Дженни взяла меня в оборот, и только прикрикнула...
— Стой на месте! Ты обещал стоять! — и дочке... — Сейчас у него потечет еще лучше, чем у нас было...
И снова спасительная мысль мелькнула в памяти. Эта женщина всегда издевается сначала сама над собой! Ё — моё, она же заставляет меня хотеть только потому, что сама хочет, «очень-очень» как наивно проговорилась мне бедняжка Кэти! Я высвободил свою руку и из

последних сил, пропихнул ладонь в насквозь мокрые трусы своей мучительницы. Она сделала попытку противостоять моему подлому приему, выгнулась, брыкнула ногой, совсем, как лошадь лягается, но после уже пережитого сил у женщины оставалось, наверное, немного и вскоре моя ладонь пройдясь по теплому, намокшему треугольнику волос, просунулась в самое горячее местечко женского тела, в ее святая святых — между ног.

— Мама! — выдохнула Кэти, услышав, как отчаянно, обреченно вдруг взвизгнула Дженни. Подрагивающий в последнем издыхании желания и стыда клитор моей начальницы оказался у меня под пальцами в одну секунду, и тут же ослабла ее хватка за мои яйца. Еще десять секунд мы жали друг на друга, как только могли, а потом женщина вновь застонала...

— У-ау! Не могу-у я больше! — и, рванув блузку на груди, обнажила набухшие и тут-же покрасневшие от стыда груди, стала бешено мять себе соски... — Пусти! Умоляю! Прошу! Не при девочке! Только не при ней! Я сейчас... вот прямо сейчас... О-о-о!..

Я толкнул ногой дверь, одним движением руки сдернул с несчастной женщины и трусики и намокшие джинсы, и продолжая давить на самое чувствительное женское место заставил зайти следом за мной. Она даже не пыталась сопротивляться, только молила изнемогающим голосом...

— Ну отпусти же! Пожалуйста! Пожалуйста! Я же тебя отпустила! А-а-ах! Пожалей! Нету больше моих сил! М-м-м, как же ты меня!... Милый...

Я едва успел рвануть молнию на брюках и мой истерзанный член, выскочив из гульфика буквально вонзился ей в промежность, вошел легко и глубоко, как в плавящееся масло и, ткнувшись пару раз где-то там в глубине в мягкое и упругое живое тепло обдал Дженни изнутри густым потоком спермы, опоздай я на секунду и все это богатство было бы горячими каплями в моих трусах. Я изо всех сил сжал ее в объятиях и резким толчком выпихнул женщину, которая была уже не в силах перевести дыхание, в прихожую. Шатаясь добрел до унитаза и, едва сдержав счастливый стон, направил туда свой обмякающий член. За дверью, в голос стонала, вопила, рычала Дженни...

— Я кончаю! Уууууу-йй! До чего же хочется, Кэти, если б ты знала!... Не могу!!! Не смотри, Кэти, не смотри на маму!!! Мама... А! А! Мама кончила!!! — и, после паузы тихо, печально... — Все. Вот твою маму и отымели, доченька...

Но постанывали и подвывали от боли и обиды, они обе еще долго, все то время, пока я, чувствуя себя самым счастливым человеком, опорожнял свой мочевой пузырь в их туалете.